

Российская академия наук
Институт экономики

КУДА ДВИЖЕТСЯ СОВРЕМЕННАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА?

Москва
Институт экономики
2018

Куда движется современная экономическая наука?: Научные доклады. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 55 с.

Аннотация. Настоящее издание включает в себя два доклада, объединенных общей темой: «Куда движется современная экономическая наука?» В докладе **Р.И. Капелюшников** «О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения» анализируются новейшие социологические и эпистемологические тенденции в развитии экономической науки. Доклад **А.М. Либмана** «Эмпирические исследования в экономике: “революция достоверности”?» посвящен анализу ключевых изменений в практике эмпирических экономических исследований, происходящих в последние десятилетия – так называемой «революции достоверности».

Ключевые слова: экономическая наука, эконометрика, эпистемология, идеология, методология, поведенческая экономика, «революция достоверности», эмпирическая экономика, естественные эксперименты, полевые эксперименты.

Классификация JEL: A1, B22, B23, B4, B41, B5, C01, C51, C9.

Where is current economics moving?: Working papers. – М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018. – 55 p.

Abstract. This publication includes two reports on a general theme: “Where is current economics moving?”. In **R. Kapeliushnikov’s** paper “On current state of economics: subjective semi-sociological observations” recent sociological and epistemological trends in the evolution of economics as a scientific enterprise and as a social institution are analyzed and its current state and further perspectives are trying to evaluate. **A. Libman’s** paper “Empirical research in the economy: “revolution of authenticity?”” analyzes the main changes in the practice of empirical economic research of the last decades – the so-called “credibility revolution” in econometrics.

Keywords: behavioral economics, ideology, methodology, econometrics, economic science, epistemology, “credibility revolution”, empirical economics, field experiments, natural experiments.

JEL Classification: A1, B22, B23, B4, B41, B5, C01, C51, C9.

© Институт экономики РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

Р.И. Капелюшников

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПОЛУСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ.....	8
---	---

Введение	9
1. Немного социологии	10
2. «Эконометриковерие»	13
3. Наука без теории?	17
4. Оскудение теоретического новаторства?	21
5. Поведенческий дуализм	23
6. Идеология на марше	26
7. Макро- после Великой рецессии	27
Литература	32

А.М. Либман

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ: «РЕВОЛЮЦИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ»?.....	34
---	----

Введение	35
1. Достоверность и воспроизводимость	36
2. Эконометрика и причинно-следственные связи	38
3. Исследовательские темы или естественные эксперименты?	43
4. Естественные эксперименты и риторика	45
5. Механизмы	47
6. Выводы и альтернативы	48
Литература	50

Об авторах	53
------------------	----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Математик по образованию – математическая школа и мехмат МГУ, – я довольно много занимался моделированием экономических процессов и применением методов математической статистики, особенно до защиты кандидатской диссертации. Да и сегодня мне доставляет большое удовольствие искать исходно скрытые от исследователя внутренние связи и закономерности, присущие совокупности показателей, характеризующих тот или иной объект. В подтверждение приведу несколько последних своих работ, посвященных ранжированию экономических журналов, в основе которых лежит применение современных методов многомерной статистики¹. Горжусь и тем, что в журнале Новой экономической ассоциации, где имею честь выполнять вместе с В.М. Полтеровичем функции главного редактора, очень важное место занимают статьи, находящиеся на переднем крае теории – математической экономики.

Вместе с тем с годами, по мере знакомства с трудами российских и зарубежных ученых, посвященными теории, методологии, философии и истории экономических учений, мой первоначальный восторг трендом матемизации экономической науки стал постепенно убывать. В последнее же десятилетие меня не покидает чувство озабоченности и сомнений в этом векторе развития экономической науки. И вызвано оно несколькими обстоятельствами.

-
1. Рубинштейн А.А. Российские экономические журналы: табель о рангах // Экономическая наука современной России. 2018. №1. С. 108–130; Рубинштейн А.А., Слуцкий Л.Н. «Multiway data analysis» и ранжирование экономических журналов // Прикладная эконометрика. 2018. Т. 50.

Во-первых, наблюдается явная несбалансированность знаний предмета экономической науки и содержания экономической теории в ее классическом смысле с математическим аппаратом, которым владеют современные исследователи, особенно молодые ученые. И надо сказать, такая несбалансированность пока растет. Из многократных обсуждений этого вопроса с моими зарубежными коллегами я понял, что программы ведущих американских университетов становятся все более сложными и насыщенными самым серьезным математическим аппаратом – речь уже идет о топологии, дифференциальных многообразиях и уравнениях математической физики. Изучение же классических экономических дисциплин, включая историю экономической мысли, движется в обратном направлении. При этом новые поколения математически оснащенных преподавателей указанный разрыв знаний воспроизводят, и даже увеличивают.

Во-вторых, многие мои коллеги, как и я, неоднократно замечали, что применение различных математических моделей, от самых простых до самых совершенных, часто страдает двумя пороками, ставшими, по сути, хроническими. Речь идет об исходных предположениях, которые позволяют применять те или иные модели, и содержательной интерпретации полученных на их основе результатов. И дело не только в том, что указанные предположения, бывает, не очень соответствуют реалиям изучаемых объектов или явлений. Еще менее приемлемой кажется мне ситуация, когда исследователь в предлагаемой экономической интерпретации забывает об исходных условиях применения соответствующей модели.

В-третьих, специфика многих моделей ограничивает их использование лишь для анализа конкретных ситуаций – отдельных кейсов. И, пожалуй, за исключением макроэкономических исследований, это стало нормой для большинства эмпирических работ, в которых речь идет о статистических методах, используемых в микроэкономике. Почти столетия я занимаюсь экономикой культуры и наблюдаю, как доля кейсов в общем массиве исследований культурной деятельности постоянно возрастает. Сегодня значительно чаще встречаются работы, в которых оцениваются, скажем, связи цен на билеты концертов конкретного симфонического оркестра и заработной платы музыкантов, нежели теоретическое исследование,

посвященное экономике исполнительских искусств. Следствием этой тенденции стала мозаичность результатов экономических исследований, не позволяющая сложить некую общую картину, которая могла бы обеспечить простоту теоретического знания.

Я бы не хотел быть неправильно понят, чтобы меня воспринимали противником математического языка в экономике, действительно обладающего огромными достоинствами и несущего в себе потенциал строгости, который необходим для любой науки, даже самой гуманитарной. Высказывая свои накопившиеся сомнения, я хотел обратить внимание на общие проблемы методологии, включающие в себя вопросы возможностей и границ использования математического аппарата. На мой взгляд, их имеет смысл обсуждать.

Вместе с тем, есть и другая сторона проблемы. Вспоминаю беседу с Кеннетом Эрроу, состоявшуюся у него дома в 2000 г. На мой вопрос, не думает ли он, что экспансия математики в экономику сопровождается выхолащиванием экономического содержания, Эрроу после некоторой паузы ответил: «Быть может, в чем-то вы правы, но экономика так сложна, что без математики ее понять невозможно».

Наверное, существуют и другие аспекты данной проблемы, на которые я не обратил внимание, но почти наверняка знают другие экономисты, которых волнует вопрос, куда движется современная экономическая наука. Именно так сформулирована тема очередного заседания постоянно действующего в Институте экономики РАН семинара «Теоретическая экономика», где с докладами выступают два известных ученых, пользующихся заслуженным уважением в экономическом сообществе – Ростислав Исаакович Капелюшников и Александр Михайлович Либман. Их взгляды в чем-то очень близкие, в чем-то противоположные. Но можно с уверенностью сказать, что оба исследователя бесконечно преданы науке, следят за ее развитием и страстно желают понять, куда же она все-таки движется.

* * *

Двенадцать лет функционирует семинар «Теоретическая экономика». За эти годы на нем выступили с докладами более 100 российских и зарубежных ученых, представляющих академические организации и университеты, различные научные школы.

Хорошо известные в экономическом сообществе фирменные брошюры семинара стали привлекательными препринтами для многих исследователей, и мы надеемся, что корпус докладчиков будет расширяться, как и круг проблем, интересных для обсуждения.

По предложению Новой Экономической ассоциации этот семинар, начиная с ближайшего заседания (24 мая 2018 года), меняет свой статус и трансформируется в постоянно действующий Международный семинар «Теоретическая экономика» Института экономики РАН и Новой Экономической ассоциации. С учетом этого мы планируем увеличить число приглашаемых иностранных ученых и надеемся тем самым укрепить сотрудничество с зарубежными научными организациями.

*Научный руководитель семинара
«Теоретическая экономика»,
Заслуженный деятель науки РФ, профессор
А.Я. Рубинштейн*

Р.И. Капелюшников

**О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ПОЛУСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ¹**

Аннотация. В работе анализируются новейшие социологические и эпистемологические тенденции в развитии экономической науки. Автор приходит к выводу, что ее современное состояние нельзя назвать ни кризисом, ни триумфом. Скорее это обычное для любой развивающейся научной дисциплины рабочее состояние, хотя и не слишком вдохновляющее, если учесть, что эпоха новых крупных теоретических идей для нее, по-видимому, миновала, что со временем ее крен в сторону атеоретичности будет только усиливаться и что чем дальше, тем все более интервенционистской она будет становиться.

Ключевые слова: экономическая наука, эконометрика, эпистемология, идеология, методология, поведенческая экономика, эксперименты.

Классификация JEL: A1, B22, B23, B4, B5, C9.

R.I. Kapeliushnikov

**ON CURRENT STATE OF ECONOMICS: SUBJECTIVE
SEMISOCIOLOGICAL OBSERVATIONS**

Abstract. The paper analyses recent sociological and epistemological trends in the evolution of economics as a scientific enterprise and as a social institution and tries to evaluate its current state and further perspectives. Author concludes that now there is neither triumph nor crises in modern economic science. Rather economics is in an ordinary working state though not very promising since the period of big theoretical ideas seems to be over for it, since new a theoretical tendency in it would strengthen and since in the nearest future it would become more and more interventionistic.

Keywords: behavioral economics, ideology, methodology, econometrics, economic science, epistemology, experiments.

JEL Classification: A1, B22, B23, B4, B5, C9.

-
1. Настоящий доклад представляет собой переработанную версию выступления автора на XVII ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения» «Экономическая теория: триумф или кризис?» (Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2018 г.) и публикации в журнале «Вопросы экономики». 2018. №5. С. 110–128.

Введение

Великая рецессия 2008–2009 гг. послужила спусковым механизмом для появления необозримого множества публикаций — как в масс-медиа, так и в академических изданиях — на тему провального состояния современной экономической науки. Ее модели далеки от реальности; она сверхматематизирована и глуха к наиболее острым проблемам, волнующим общество; она потерпела сокрушительное фиаско, не сумев предсказать наступление мирового экономического кризиса, ее рецепты по большей части контрпродуктивны, лишь подготавливая почву для еще более сильных потрясений; она расколота на несколько конкурирующих школ, которые неспособны достичь согласия даже по самым базовым вопросам; и так далее, далее, далее... С громогласными инвективами такого рода выступали не только политики, публицисты, журналисты, представители широкой публики, но также и немалое число профессиональных экономистов. Однако после того, как мировой экономике удалось избежать перерастания Великой рецессии в затяжную глубокую депрессию, атмосфера общественных дискуссий заметно изменилась, и зазвучали иные голоса. Экономической науке стала приписываться главная заслуга в том, что события не стали развиваться по наихудшему сценарию: экономисты хорошо выучили уроки Великой депрессии 1930-х гг. и это позволило им предложить такие меры государственной политики, благодаря которым угроза всеобщего экономического коллапса была успешно предотвращена.

Напрашивается естественный вопрос, так с чем же все-таки мы имеем тут дело — с глубоким кризисом, как думают одни, или с триумфом, как полагают другие. Должен признаться, что не слежу за специальной литературой, в которой анализируются и оцениваются текущее состояние и новейшая эволюция экономической науки. Все, что я могу предложить, это поделиться субъективными наблюдениями, что, как мне кажется, наиболее значимого и примечательного происходило в ней в течение последних десятилетий. Само собой разумеется, что такие наблюдения по определению фрагментарны, выборочны и пристрастны. Понятно также, что в поле зрения отдельного исследователя неизбежно попадает лишь узкий сегмент современной

экономической литературы, а вопрос о том, в какой мере допустимо переносить оценку положения дел в том или ином разделе теории на всю нее в целом, всегда будет оставаться открытым. Хотел бы поэтому сразу предупредить: предлагаемые заметки — не академическое исследование со всеми положенными ему атрибутами, а что-то вроде «путевых впечатлений», не претендующих на строгость, системность и полноту. Я решил назвать их полусоциологическими, потому что, говоря о состоянии современной экономической науки, попытаюсь отталкиваться от некоторых очевидных, но важных характеристик ее функционирования как определенного института, как определенного социального феномена.

1. Немного социологии

Пожалуй, наиболее фундаментальный и многое определяющий социальный факт состоит в том, что сегодня в «индустрию» по изучению экономики вовлечено астрономически большое число участников. По некоторым оценкам, в настоящее время экономисты намного превосходят по численности представителей прочих социальных дисциплин, уступая только психологам. Массовизация экономической профессии имеет несколько важных следствий.

Во-первых, в таких условиях резко возрастают роль и значение формальных критериев и процедур. Этот сдвиг представляется абсолютно неизбежным, когда нам приходится иметь дело с гигантской анонимной массой потенциальных авторов и непрерывно растущей конкуренцией между ними. Безудержный, усиливающийся с каждым годом рост формалистики наблюдается на всех стадиях учебного процесса, на всех стадиях исследовательского процесса, на всех стадиях публикационного процесса (вплоть до выдвижения жестких требований к построению научных статей). Разного рода индексы и рейтинги рассчитываются сегодня для университетов, для журналов, для отдельных исследователей, и даже для выпускников вузов (Фуркад и др., 2015); с ориентацией на них осуществляется финансирование экономических разработок. Неочевидно, однако, что эта прогрессирующая формализация всего и вся является нейтральной с содержательной точки зрения. Мне, например, трудно представить, чтобы сегодня где-либо могли быть опубликованы такие неформатные работы, как статьи Р. Коуза. И даже если бы они все-таки появились в каком-

нибудь третьеразрядном журнале, никто, я уверен, их не заметил бы и коузовские идеи остались бы не востребованными.

Во-вторых, многообразие экономической профессии ведет (и уже привело) к изменению ключевой социальной функции академических журналов. Из средства распространения научной информации они фактически превратились в инструмент сертификации качества научной продукции. Сегодня между появлением работы и ее журнальной публикацией нередко проходит семь, восемь, и даже больше, лет. За это время авторы успевают выступить с ней на нескольких конференциях и не один раз опубликовать ее в виде *working paper*. В результате, когда она появляется в каком-нибудь журнале, ее основные идеи и результаты могут быть уже давно и хорошо известны всем, кто работает в той же области исследований. Финальная публикация означает просто присвоение знака качества. Это важно, потому что в современных условиях «сертифицированные» и «несертифицированные» работы отделены огромным зазором, если не пропастью. Можно сказать и так, что публикации в ведущих журналах выступают прежде всего тестом на принадлежность к мейнстриму экономической науки.

В-третьих, благодаря массовизации экономической науки в ней сложилась ситуация, которая номинально выглядит как ситуация «расцвета ста цветов». Любой самый крошечный раздел анализа, любая неортодоксальная школа обзаводятся собственной ассоциацией и собственным журналом, а подчас несколькими ассоциациями и журналами сразу. Свои журналы есть у экофизики, биоэкономики, социоэкономики, эволюционной экономики, австрийской теории, старого институционализма, посткейнсианства, школы *public choice*, марксизма, неомарксизма, радикальной политэкономии, феминистской экономики и т. д. К сожалению, при ближайшем рассмотрении ситуация «расцвета ста цветов» оказывается иллюзорной: реальный диалог между мейнстримом и гетеродоксией по сути отсутствует, причем ответственность за это, как мне кажется, лежит на обеих сторонах. Мейнстрим просто-напросто не замечает того, что делается в неортодоксальных направлениях: ведь для мейнстримного экономиста обращать на них внимание означало бы пустую трату времени, чреватую лишь снижением его публикационной активности. Что касается приверженцев неортодоксаль-

ных школ, то они, конечно, вынуждены реагировать на то, что происходит в мейнстриме, хотя бы в целях его критики. Но среди них чрезвычайно силен и, я бы даже сказал, культивируется сектантский дух. Можно привести не один пример того, как наиболее широко мыслящие представители мейнстрима пытались наладить диалог со сторонниками неортодоксальных течений и чем такие попытки заканчивались. А заканчивались они практически всегда сверх-агрессивной реакцией со стороны немейнстримных экономистов. Как следствие, неортодоксальные теории обречены вести сегодня замкнутое существование и вариться в собственном соку, образуя своего рода интеллектуальное гетто. В настоящее время они оказались почти уже полностью вытеснены в экономическую философию и историю экономической мысли.

Но здесь мне хотелось бы указать на феномен, который никогда не обсуждается в академической литературе, но который до известной степени (пусть незначительной, но все-таки!) нейтрализует те тенденции, о которых речь шла выше. Я имею в виду наблюдавшееся в последние десятилетия бурное развитие экономики блогосферы. Некоторые наиболее открытые и активные экономисты заводят сегодня собственные сайты и начинают рассказывать на них о своих новых исследованиях, комментировать работы других авторов, откликаться на злободневные проблемы экономической политики и т. д. Что этим достигается?

Во-первых, возникает настоящий живой диалог между профессиональными экономистами и широкой публикой. Его просветительский эффект несомненен, поскольку по ходу такого диалога научные идеи начинают переводиться с птичьего, чаще всего сверх-формализованного языка, которым пользуются современные экономисты, на обычный человеческий язык. У широкой публики появляется также возможность заглянуть в рабочую лабораторию профессиональных экономистов и ознакомиться с их новыми идеями еще на стадии разработки. Ведь замысел научной работы редко рождается сразу в формализованном виде. Очень часто новые идеи возникают во время неформальных обсуждений, которые экономисты ведут друг с другом за кофе, на прогулках, во время занятий спортом и т. п. (так, замысел одной из знаменитых совместных работ П. Самуэльсона и Ф. Модильяни родился на теннисном корте).

Во-вторых, когда представители мейнстрима и неортодоксальных школ начинают обмениваться комментариями в сети, реальный содержательный диалог возникает также и между ними. Здесь интересно отметить, что применительно к блогосфере ни о каком доминировании мейнстрима говорить не приходится: среди наиболее популярных экономических сайтов непропорционально большую долю составляют те, что были созданы и поддерживаются экономистами-неортодоксами. И поскольку в блогосфере обсуждения по вполне понятным причинам ведутся с минимальным использованием средств математики, мы как бы в машине времени переносимся далеко назад в эпоху, которая предшествовала нынешней всепроникающей формализации экономического анализа.

Это, конечно, не значит, что экономика блогосферы уже смогла оказать какое-либо значимое влияние на развитие академической науки. (В некоторых сестринских дисциплинах ситуация складывалась в этом отношении иначе: например, серьезная внутренняя перестройка под действием процессов в блогосфере наблюдалась в социальной психологии.) Единственный пример, который приходит мне в голову, это деятельность американского экономиста, лидера школы «рыночного монетаризма» Скотта Самнера. Полтора десятилетия назад он забросил академическую карьеру и завел собственный блог с целью распространения одной-единственной идеи (www.themoneyillusion.com). Суть ее состоит в том, что темп инфляции является плохим таргетом для денежной политики и что ориентация на него способна генерировать дополнительные экономические колебания. Гораздо более надежным и эффективным таргетом, по его мнению, мог бы стать альтернативный показатель — темп прироста номинального ВВП. Не знаю, возымели ли усилия Самнера какое-либо действие или нет, но факт остается фактом, что в последнее время такие корифеи денежной теории, как Б. Бернанке или Дж. Йеллен, стали с большим интересом отзывать об идее таргетирования темпов прироста номинального ВВП.

2. «Эконометриковерие»

Наверное, с моей стороны было бы неправильно ограничиться обсуждением одних только социологических характеристик современной экономической науки, ничего не сказав о неко-

торых специфических эпистемологических характеристиках, которые ей присущи. Мне кажется, что одна из важнейших отличительных черт нынешнего этапа ее развития состоит в установке, которую я бы обозначил неологизмом «эконометриковерие». Речь идет о том, что для «типичного» современного экономиста эконометрические оценки являются высшей реальностью и обладают статусом истины в последней инстанции. Это тот козырь, который побивает все остальное, будь то общетеоретические принципы, интуиция, практический опыт, доводы здравого смысла или что-либо еще. Вот лишь несколько наиболее значимых проявлений этой установки.

Если в какой-либо области исследований результаты эконометрического оценивания вступают в конфликт с общей теорией, современные экономисты, во-первых, не испытывают по этому поводу интеллектуального дискомфорта, а, во-вторых, отдают безусловный приоритет эконометрическим оценкам, полагая, что общетеоретические принципы – это условность, не имеющая прямого отношения к экономической реальности. Наглядный пример – некоторые новейшие исследования (конечно, не все) по проблеме минимальной заработной платы. В последние десятилетия появилось большое количество эконометрических оценок, из которых следует, что повышение минимальной заработной платы никак не влияет на занятость работников с низкой производительностью или даже влияет на нее положительно. Если не ошибаюсь, это единственное исключение из закона спроса, которое активно и подробно обсуждается современными экономистами. Помимо малоквалифицированной рабочей силы мне неизвестно ни одного другого товара, услуги или производственного фактора, которым была бы посвящена обширная эмпирическая литература, где доказывалось бы, что при повышении их цен объем спроса на них не уменьшается, а, возможно, даже возрастает. То обстоятельство, что это расходится с базовыми представлениями общей экономической теории, чаще всего просто обходится стороной. Большинство современных экономистов (конечно, не все) не придают таким расхождениям серьезного значения: их мало волнует, стоит ли за получаемыми эмпирическими результатами какая-либо теоретическая схема или нет. Раз из эконометрических оценок вырисовывается определенная

история, значит, так оно и есть на самом деле. Если же они противоречат теории, то тем хуже для нее².

«Эконометриковере» приводит также к тому, что типичный современный экономист не чувствует потребности в общей консистентной картине мира. Реальность воспринимается им как лоскутное одеяло, когда в каждом разделе экономического анализа формируется своя особая картина мира. Сошлюсь опять-таки на работы по проблеме минимальной заработной платы. Как уже отмечалось, многие из них приходят к выводу, что повышения минимальной заработной платы либо вообще не влияют на занятость неквалифицированных работников, либо влияют на нее положительно. Иными словами, эластичность спроса на такую рабочую силу близка к нулю. Это предполагает, что график спроса на работников с низкой производительностью представляет собой вертикальную прямую или даже отклоняется немного вправо.

В то же время из большей части исследований по проблеме миграции следует, что активный приток на рынок труда мигрантов из-за рубежа практически никак не отражается на заработной плате местных работников с низкой производительностью (Pekkala Kerr, Kerr, 2011). Это предполагает, что спрос на неквалифицированную рабочую силу высокоэластичен: в предельном случае его график может выглядеть как почти горизонтальная прямая.

-
2. Как сказано, такую атеоретическую установку разделяют далеко не все современные экономисты. Многие по-прежнему считают теоретическое осмысление получаемых эмпирических результатов необходимой и критически важной частью научного анализа. Так, нулевую или положительную реакцию занятости неквалифицированной рабочей силы на повышение минимальной заработной платы они интерпретируют как свидетельство того, что рынок труда для таких работников является монополистическим. (Как известно, в этом случае повышение заработной платы будет обеспечивать расширение занятости.) Но здесь стоит сделать два уточнения. Первое: если спросить тех, кто так рассуждает, на каком основании они делают вывод о существовании монополии для неквалифицированных работников, то последует ответ: да на том, что, как показывают эконометрические оценки, эластичность спроса на труд этих работников является нулевой или положительной! Перед нами пример циркулярной аргументации: нулевая/положительная эластичность спроса — потому что монополия; монополия — потому что нулевая/положительная эластичность спроса. Второе: начиная со знаменитой работы Д. Карда и А. Крюгера (Card, Krueger, 1994) подавляющее большинство современных исследований по проблеме минимальной заработной платы строятся на данных по занятым на предприятиях фастфуда. Но само предположение о том, что работники всех этих понатыканных чуть ли не на каждом углу макдональдсов, бургеркингов, пиццахатов и т.д. страдают от монополии, выглядит как сверхгероическое: если оно о чем-то и говорит, то, пожалуй, только о чрезвычайно развитом воображении тех, кто его высказывает.

«Типичный» современный экономист не ощущает какого-либо явного дискомфорта по поводу того, что эконометрические оценки в одном разделе говорят одно, а в другом — прямо противоположное, и не видит проблемы в том, чтобы верить одновременно и тем и другим. Некоторые комментаторы предлагают политико-психологическое объяснение подобной готовности к совмещению несовместимого. Это, по их мнению, не более чем отражение идеологических предпочтений экономистов, придерживающихся прогрессистских взглядов, поскольку интеллектуалы именно с такой политической ориентацией склонны выступать одновременно и за повышение минимальной заработной платы, и за ослабление ограничений на приток мигрантской рабочей силы. Но вполне возможно, что дело тут не столько в идеологии, сколько в эпистемологии.

Похоже, «типичный» современный экономист живет в мире расколотой, «балканизированной» реальности, где каждый фрагмент существует по большей части отдельно от других. Раз анализ по проблеме минимальной заработной платы показывает, что спрос на неквалифицированную рабочую силу неэластичен, значит, так оно и есть; раз анализ по проблеме миграции показывает, что спрос на неквалифицированную рабочую силу эластичен, значит, тоже так оно и есть. Для каждой области исследований свои эконометрические оценки и своя картина мира. При отсутствии потребности в общей интегрированной картине экономического универсума это едва ли удивительно.

Еще одно проявление «эконометриковерия» связано с тем, что при наличии оценок, полученных с помощью более простых и с помощью более сложных, продвинутых, навороченных методов, «типичный» современный экономист всегда предпочтет вторые первым. Приведу пример (Das, Polachek, 2017). Для США оценки отдачи от образования, т. е. процентного прироста заработной платы при увеличении продолжительности образования на один год, полученные простым МНК, лежат в диапазоне от 5 до 15%.

Вместе с тем те же оценки, но полученные с использованием метода инструментирования, варьируют от 4 до 94%. Я подозреваю, что если спросить экономиста и неэкономиста, какая серия оценок более реалистична и заслуживает большего доверия, мы

получим разные ответы. В любом случае работа, которая ограничится только оценками МНК, сегодня нигде и ни при каких условиях не будет опубликована, тогда как работа с использованием метода инструментирования будет иметь неплохие шансы на публикацию, особенно если в ней будет предложен новый, никем ранее не использовавшийся инструмент.

3. Наука без теории?

Один из важнейших трендов последнего времени связан с появлением множества разнообразных исследований экспериментального характера и резким повышением их научного статуса. По большому счету такие чисто фактуальные, атеоретические исследования интересуют только один вопрос, является ли некое **A** причиной некоего **B**, причем, что важно, безотносительно к тому, вписывается или не вписывается получаемый результат в какую-либо концептуальную схему, поддается или не поддается он какой-либо теоретической интерпретации (De Vroey, Pensieroso, 2016). Огромный всплеск популярности экспериментальных и квазиэкспериментальных методов наблюдался в экономике развития, макроэкономике, экономике финансов, экономике образования, экономике здравоохранения, экономике труда³; на них с самого начала базировалась вся поведенческая экономика⁴. В настоящее время именно они задают эталон научной строгости и рассматриваются как передний край современного экономического анализа. Ученые, разрабатывающие и использующие подобные методы, составляют высшую касту сегодняшней экономической профессии, поскольку по дизайну

-
3. Кстати сказать, самая первая работа, где был сделан вывод об отсутствии какого-либо влияния повышения минимальной заработной платы на занятость неквалифицированных работников, строилась как раз-таки на квазиэкспериментальных данных (Card, Krueger, 1994).
 4. В этом же направлении в последние десятилетия сдвигалась и теория роста. В новейших исследованиях предметом наиболее активного обсуждения стал вопрос о глубинных факторах экономического развития, какие из них имеют наибольшее, а какие наименьшее значение — природные условия, институты, культура. Анализ ведется с использованием квазиэкспериментальной методологии, без попыток построения какой-либо общей теории, способной объяснить, как эти факторы взаимодействуют друг с другом и почему одни могут быть важнее других. Усмотреть какую-либо теорию за утверждением «институты важнее культуры» так же невозможно, как и за прямо обратным утверждением «культура важнее институтов». Фактически вся «теория» сводится здесь к рассуждениям и оценкам в терминах «больше/меньше».

проводимые ими исследования ближе всего подходят к тому, как строятся исследования в естественных дисциплинах.

Традиционно экономическая наука испытывала перед естественными дисциплинами своего рода комплекс неполноценности, поскольку считалось, что эксперименты в ней невозможны (Капелюшников, 2015). Только в последние десятилетия, когда в исследовательскую практику стали активно проникать экспериментальные и квазиэкспериментальные методы, она смогла, наконец, избавиться от этого застарелого комплекса и обрести желанный статус экспериментальной (т. е. настоящей) науки. Благодаря эксперименталистике в области эмпирических экономических исследований произошла, по выражению Дж. Ангриста и Г.-С. Пишке, настоящая «революция достоверности» (Angrist, Pischke, 2010): новые методы обеспечили настолько высокое качество получаемых количественных оценок, что это далеко превзошло все, на что был способен традиционный эконометрический анализ. У экономистов появилась возможность надежно идентифицировать наличие каузальных, а не просто корреляционных связей и точно измерять силу воздействия одних наблюдаемых явлений на другие.

Общий смысл экспериментального подхода достаточно прост. В качестве объекта анализа выбираются/конструируются ситуации, когда от самого исследователя (в лабораторных или полевых экспериментах), от природы (в естественных экспериментах) или от государства (в социальных экспериментах) исходит некое воздействие (А), которое затрагивает одну часть рассматриваемой популяции (экспериментальную группу), но не затрагивает другую (контрольную группу). Если попадание индивидов в экспериментальную и контрольную группы происходит чисто случайным образом (наподобие подбрасывания монеты), то это позволяет эффективно решать проблему эндогенности, которая была и остается главным камнем преткновения для традиционного эконометрического анализа⁵. Для этого достаточно измерить, как у группы, подвергшейся воздействию, и у группы, ему не подверг-

5. В известном смысле всю современную эконометрику можно рассматривать как одну гигантскую надстройку над маршалловским *ceteris paribus*.

шейся, изменилась та или иная интересующая нас характеристика (**В**). Если в экспериментальной группе она изменилась сильнее, чем в контрольной, то, значит, **А** (воздействие) явилось причиной **В** (изменения в характеристике). Таким образом, правильно выстроенный дизайн экспериментального исследования позволяет получить однозначный ответ на вопрос, является ли **А** причиной **В**, причем никакой теории в традиционном смысле в таком случае не требуется.

В качестве примера сошлюсь на одно исследование с дизайном естественного эксперимента, получившее широкое признание и удостоившееся самых высоких оценок (Almond, Mazumder, 2011). Используя в нем данные содержали информацию о различиях в состоянии здоровья индивидов, родившихся в разные годы, и касались мусульманского населения Уганды и Ирака, а также американского штата Мичиган. Отправным пунктом анализа служил тот факт, что во время священного для мусульман месяца Рамадан, длящегося 29–30 дней, верующим от восхода до захода солнца запрещено принимать пищу. Однако точные сроки наступления и окончания Рамадана являются плавающими, так как определяются по лунному календарю. Соответственно, в одни годы Рамадан приходится на календарные месяцы с большей, а в другие — с меньшей продолжительностью светового дня. Подобная ситуация близка к условиям рандомизированного эксперимента, поскольку женщины, ожидающие ребенка, оказываются случайным образом распределены по годам с разной продолжительностью светового дня в период Рамадана. Исследование показало, что женщины, во время беременности которых Рамадан приходился на месяцы с большей продолжительностью светового дня, рожали менее здоровых детей, чем женщины, во время беременности которых он приходился на месяцы с меньшей продолжительностью светового дня. (Особенно сильный отрицательный эффект отмечался для ранних сроков беременности.) Иными словами, более длительные перерывы в питании будущих матерей становились причиной худшего состояния здоровья их детей. Квазиэкспериментальный характер использованных данных дал возможность с высокой степенью надежности установить суще-

ствование прямой причинно-следственной связи между двумя этими явлениями⁶.

Какое отношение описанный анализ имеет к экономической теории? Вообще говоря, никакого. Его с тем же успехом мог бы провести демограф, физиолог, диетолог или специалист по медицинской статистике, ничего не смыслящие в экономике, но хорошо владеющие соответствующим техническим инструментарием.

При экспериментальном подходе, как видно даже из приведенного примера, не выбор проблем диктует выбор метода, а, наоборот, выбор метода начинает диктовать выбор проблем. Главное, в чем оказывается заинтересован исследователь, — это обнаружение (или искусственное конструирование) ситуаций, с большим или меньшим приближением воспроизводящих условия рандомизированного эксперимента. Поиск квазиэкспериментальных ситуаций становится ведущим мотивом научной деятельности. Но поскольку число таких случаев ограничено, внутри экономической профессии начинается расслоение по признаку успешности «охоты» за ними. Банальность или даже явная бессмысленность темы перестают быть недостатком. Для теории

-
6. Можно, конечно, сказать, что в данном примере теория предоставляется другой дисциплиной — физиологией, у которой экономический анализ оказывается как бы на подхвате. (Аналогично в знаменитой серии экспериментальных исследований о влиянии размера школьных классов на развитие способностей учащихся он оказывается на подхвате у педагогической психологии.) В этом смысле более чистый случай дает поведенческая экономика, где под каждый эксперимент, под каждую поведенческую аномалию принято создавать свою особую формальную модель (по сути — строить отдельную теорию). Проблема с таким подходом состоит в том, что для отдельно взятого эмпирического факта можно построить с десяток различных формальных моделей, описать его в терминах десятка разных теорий. Де-факто исследовательская практика поведенческой экономики означает разрыв с гипотетико-дедуктивным пониманием природы научного знания, утвердившимся в философии науки после К. Поппера. В совсем упрощенном изложении: формулируется некая общая теоретическая схема, не подлежащая непосредственной эмпирической проверке; из нее выводится (дедуцируется) некое высказывание более низкого уровня, которое уже поддается проверке на эмпирических данных; если результаты проверки не противоречат этому эмпирическому высказыванию, то оно принимается, а вместе с ним принимается и общая теоретическая схема, из которой оно было выведено. По сути поведенческая экономика возвращается к более примитивному допопперовскому индуктивистскому пониманию науки, при котором фильтр отбора гипотез оказывается на порядок менее жестким: ведь при гипотетико-дедуктивном подходе эмпирическое высказывание «подтверждается» не только проверкой на фактах, но также и тем, что оно не противоречит, во-первых, общей теоретической схеме и, во-вторых, другим эмпирическим предсказаниям, которые из нее вытекают. (Я не выступаю здесь с «сильным» утверждением, что экономическая наука *реально* строилась как гипотетико-дедуктивная; достаточно того, что она пыталась ею быть и что большинство экономистов считали ее именно таковой.)

в этих условиях практически не остается места; если она и сохраняется, то только как реликт. В сложившихся условиях естественно ожидать, что с каждым годом удельный вес экспериментальных исследований будет только возрастать, а их привлекательность для новых поколений экономистов становиться все больше. Но тотальное господство эксперименталистики означало бы «смерть» экономической теории в традиционном смысле (хотя, конечно же, не «смерть» экономической науки как таковой).

4. Оскудение теоретического новаторства?

Теперь я выскажу тезис, в котором, пожалуй, уверен меньше всего. У меня складывается впечатление, что для экономической науки миновала эпоха новых крупных теоретических идей. Речь идет не о разработке новых все более изощренных эконометрических методов (в этой области исследовательская активность исключительно высока), не о конструировании новых более совершенных и технически более сложных формальных моделей (в них также сегодня не ощущается недостатка), не о многочисленных эмпирических исследованиях, посвященных важным и интересным прикладным проблемам (таким, например, как измерение экономического неравенства, поляризация структуры рабочих мест, значение когнитивных и некогнитивных навыков с точки зрения повышения индивидуальной производительности труда, влияние роботизации на уровень занятости, сравнительный вклад природных условий, институтов и культуры в процесс экономического развития и многие-многие другие). Хотя по всем перечисленным направлениям имеются впечатляющие продвижения, за этим не просматривается каких-либо крупных теоретических новаций.

Я пришел к такому (вполне допускаю, что ошибочному) заключению, когда начал анализировать списки литературы к попадавшим в поле моего зрения статьям по экономике труда. Работы, посвященные технике эконометрического оценивания, включаемые в такие списки, это, как правило, новейшие публикации, относящиеся к самому последнему времени. Работы, посвященные эмпирическому анализу тех или иных конкретных проблем, — тоже. Вместе с тем работы, задающие теоретическую рамку исследования, почти всегда датируются не позднее, чем началом 1990-х гг.

Действительно, в течение примерно трех десятилетий с 1960 г. по 1990 г. в экономике труда произошел настоящий прорыв и возникли теория человеческого капитала, теории дискриминации, теория внутреннего рынка труда, теория сигналов, теория поиска, теория мэтчинга, теория эффективной заработной платы, теория отложенного вознаграждения, теория турниров и многое другое. Но с первой половины 1990-х годов поток новых крупных теоретических идей начал, похоже, затухать.

Естественно, я не берусь сказать, складывалась ли ситуация в других разделах экономической теории сходным образом или нет. Но из того, что мне известно, вырисовывается в общем примерно та же картина.

Поведенческая экономика? Базовые идеи были высказаны в ней в 1970–1980-е гг., а ее последующее развитие шло в основном по пути механического коллекционирования все новых и новых поведенческих аномалий и конструирования для них все новых и новых формальных моделей.

Макроэкономика? Здесь период бури и натиска также пришелся на 1970–1980-е гг. В рамках макроэкономической теории, пожалуй, только анализ проблемы ZLB (zero lower bound) мог бы претендовать на то, чтобы считаться серьезной новацией последних лет. Современные экономисты пришли к выводу, что если естественная норма реального процента уходит далеко вниз в зону отрицательных значений, в то время как его фактическая норма продолжает удерживаться значительно выше этого уровня (из-за того, что номинальная ставка процента не может опускаться сильно ниже нуля), то это может провоцировать хроническую стагнацию. Но все-таки ZLB — это скорее новая важная и интересная аналитическая проблема, чем принципиально новая теоретическая идея. Уже Смит и Рикардо рассматривали теоретические аспекты подобной ситуации, хотя и не считали, что она реально возможна. Да и само использование в современном макроэкономическом анализе понятия естественной нормы процента — это не более чем возврат к викселианской теоретической схеме, отброшенной после «Общей теории» Дж. М. Кейнса. Причем возврат к ней тоже начался не сегодня: первым о его необходимости заговорил еще М. Фридмен в своем знаменитом президентском обращении к Американской экономической ассоциации.

Стоит, наконец, отметить, что случайно или нет, но затухание потока крупных теоретических новаций хронологически совпадает с произошедшим на рубеже 1980–1990-х гг. так называемым «эмпирическим поворотом» в экономической науке, который с таким энтузиазмом приветствовался наиболее авторитетными специалистами по методологии экономического анализа (Colander, 2009)⁷.

5. Поведенческий дуализм

В последние десятилетия серьезные изменения произошли также в поведенческом (антропологическом) фундаменте экономической науки. Традиционно она исходила из представления о глубинной рациональности человеческого поведения. Базовой для всех разделов экономической теории являлась модель рационального выбора. Однако с появлением поведенческой экономики ситуация резко изменилась. Сегодня все ведущие экономисты единодушно признают исключительную важность ее идей и подходов и готовы учитывать их в своей исследовательской практике. Популярность моделей ограниченной рациональности с включением тех или иных поведенческих аномалий возрастает буквально с каждым годом.

Усвоение мейнстримом идей поведенческой экономики спровоцировало, если можно так выразиться, его «шизофреническое» раздвоение: современные экономисты начали свободно переходить от моделей с полностью рациональными к моделями с ограниченно рациональными или даже иррациональными агентами, не ощущая от этого никакого интеллектуального дискомфорта (Капелюшников, 2015). Чаще всего учет поведенческой составляющей ограничивается тем, что постулируется сосуществование двух классов агентов – с полной и с ограниченной рациональностью (разработка моделей с гетерогенностью экономических агентов расценивается многими как значительный шаг вперед в развитии формальной экономической теории). И хотя благодаря поведенческой экономике современные экономисты стали ясно осознавать, что реальные люди устроены не совсем так или даже совсем не так, как предполагается в большинстве используемых ими моделей, они не видят здесь серьезной проблемы и не выражают озабоченности

7. Подробнее об «эмпирическом повороте» в экономической науке см.: (Backhouse, Cherrier, 2017).

сложившимся положением дел. Насколько в том или ином случае важно и нужно учитывать отклонения от принципа рациональности, зависит от характера изучаемых проблем.

Впрочем, в длительной временной перспективе подобное раздвоение экономической науки (если быть более точным — ее мейнстрима) не кажется ни новым, ни уникальным (Капелюшников, 2017). Представление о том, что модель рационального выбора всегда входила в «твердое ядро» ортодоксальной экономической теории в качестве его необходимой части, является исторической aberrацией. Сегодняшняя ситуация в экономической теории во многом воспроизводит ту, что наблюдалась в середине XX в. В тот период существовало достаточно четкое разделение: микроэкономика исходила из представления о рациональности, тогда как макроэкономика — из представления о нерациональности человеческой природы. Достаточно вспомнить базовые идеи первоначального кейнсианства. В нем буквально все категории экономических агентов представляли как существа, иррациональные по своей природе: рабочие страдают от денежной иллюзии; потребители движимы склонностью к потреблению, которая не имеет ничего общего с оптимизирующим поведением; инвесторы подвержены частой смене иррациональных волн оптимизма и пессимизма (*animal spirit*) и т.д. Сходным образом классический монетаризм с его идеей адаптивных ожиданий также допускал, что участники рынка неспособны учиться на своих ошибках и обречены повторять их снова и снова. В результате этого на протяжении многих десятилетий XX в. экономическая наука пребывала в очень похожем состоянии шизофренической раздвоенности: если действующими лицами в микроэкономике выступали рациональные, то в макроэкономике — нерациональные экономические агенты.

В известном смысле вся эволюция макроэкономической теории после Кейнса состояла в последовательной «рационализации» основных блоков его исходной схемы — в пошаговой замене элементов иррационального элементами рационального поведения. Завершением этого процесса стала революция рациональных ожиданий, положившая конец «двомирию» микро- и макро-, которые стали отныне строиться на общем поведенческом фундаменте — модели рационального выбора. Можно сказать, что с этого момента последние остатки иррациональности были изгнаны из экономического анализа.

Однако унификация поведенческих основ экономической науки просуществовала недолго. Поведенческая экономика по существу вернула ее в прежнее состояние «антропологической» раздвоенности. Конечно, аналогия с более ранним эпизодом является далеко не полной (Капелюшников, 2017). Во-первых, исходно нерациональность экономических агентов присутствовала в макроэкономических моделях в неявной форме и большинством экономистов не осознавалась. В настоящее время эта предпосылка принимается ими вполне осознанно. Во-вторых, тогда грань между рациональным и нерациональным поведением совпадала с границей, разделявший микро- и макро-. Сейчас модели с рациональными и нерациональными экономическими агентами сосуществуют внутри как микроэкономического, так и макроэкономического анализа. В-третьих, представления о нерациональности экономического поведения, использовавшиеся в кейнсианстве и монетаризме, носили достаточно произвольный характер и были лишены какого-либо надежного эмпирического основания. Поведенческая экономика такое основание предоставила. Тем не менее этот более ранний опыт ясно показывает, что состояние поведенческой раздвоенности не является для господствующего течения экономической мысли чем-то аномальным.

Насколько устойчива сложившаяся в сегодняшней экономической науке ситуация поведенческого «двоимирия»? Многие авторы полагают, что она является сугубо временной и что вскоре каноническая модель рационального выбора будет окончательно вытеснена из исследовательской практики современных экономистов (Hands, 2014). Мне такой исход представляется маловероятным (Капелюшников, 2017). Причина достаточно проста: трудно представить, как могла бы выглядеть общая теория иррационального поведения, сравнимая по широте, полноте и степени структурированности с моделью рационального выбора. Как показывает пример поведенческой экономики, исследование когнитивных искажений неизбежно распадается на анализ множества никак не связанных между собой частных случаев. При ближайшем рассмотрении каждая такая частная модель предстает просто как каноническая модель рационального выбора с неким «бантиком» в виде той или иной поведенческой аномалии. С точки зрения аналитической стройности поведенческая экономика явно проигрывает стандартному подходу. Можно поэтому

предполагать, что и в будущем методологический фундамент экономической науки будет состоять из центра в виде модели рационального выбора и периферии в виде многочисленных отступлений от нее. Маловероятно, что принцип рациональности лишится своего традиционного статуса в качестве базового методологического ориентира для экономической теории. Иными словами, антропологический дуализм, скорее всего, уже никогда не исчезнет из экономического анализа и навсегда останется его важнейшей отличительной чертой.

6. Идеология на марше

Говоря о социологических, эпистемологических и методологических особенностях экономической науки, нельзя обойти стороной и такой скользкий вопрос, как доминирующие политические предпочтения современных экономистов. Их идеологические ориентации прямо или косвенно отражаются и на выборе проблем, которые они берутся исследовать, и на нормативных выводах, к которым они приходят, и на практических рекомендациях, которые они дают государству. (Хотя следует, конечно, признать, что проследить случаи вторжения идеологических установок в научный дискурс бывает очень непросто.)

Удобнее всего проблему политических предпочтений современных экономистов анализировать на примере США. Почему? Во-первых, потому что американская экономическая наука — «крейсер» мировой экономической науки, подавляющее большинство наиболее известных и авторитетных ученых-экономистов работают сегодня в университетах США. Во-вторых, потому что американская политическая система позволяет легко идентифицировать идеологическую принадлежность человека — исходя из того, какую из двух главных партий страны он склонен поддерживать. Наконец, большинство существующих исследований, посвященных идеологическим установкам современных экономистов, строятся на данных по США (Klein, Stern, 2007; Klein et al., 2013; Langbert et al., 2016).

Все указывает на то, что в последние десятилетия экономическая наука вслед за другими социальными дисциплинами становилась идеологически все более и более гомогенной. По данным опроса 2016 г., в настоящее время соотношение между сторонниками демократов и республиканцев среди университетских экономистов составляет

4,5:1 (Langbert et al., 2016). Еще десять лет назад разница была намного меньше — 2,7:1 (Klein, Stern, 2007). При этом среди экономистов моложе 35 лет преобладание сторонников демократической партии оказывается вдвое выше — 9:1 (Langbert et al., 2016). Конечно, экономистам пока еще далеко до историков, где аналогичная пропорция оставляет 34:1 (журналисты — 20:1; психологи — 17:1; юристы — 9:1).

Тем не менее тренд ко все большей идеологической однородности экономической профессии налицо. Существует опасность, что это может отрицательно сказаться на конкуренции идей внутри сообщества экономистов и при определенных условиях даже привести к серьезным ограничениям свободы мысли. Идеологический диктат внутри академии — достаточно реальная перспектива, которая не сулит экономической науке в будущем ничего хорошего. С практической точки зрения устойчивое возрастание доли экономистов с левыми или полулевыми политическими взглядами означает, что в ближайшие десятилетия нам предстоит, по-видимому, стать очевидцами ползучего усиления государственного вмешательства в экономику, причем в самых разнообразных, подчас неожиданных формах⁸.

7. Макро- после Великой рецессии

Обращусь, наконец, к исходному вопросу. Так все же — триумф или кризис? Здесь важно иметь в виду, что зазвучавшие во время и после Великой рецессии заявления о глубоком кризисе экономической теории на самом деле адресовались лишь одному из ее разделов — макроэкономике (среди экономистов не самого котируемого). Даже если все обстоит так, как утверждают критики, даже если макроэкономическая теория действительно находится сегодня в тупике, отсюда еще не следует, что интеллектуальное бесплодие поразило всю экономическую науку. Как остроумно заметил один автор, макроэкономика — это самый «гламурный» раздел экономи-

8. О преобладающей интервенционистской направленности современной экономической науки среди прочего свидетельствует тот простой факт, что при публикации работы от автора практически в обязательном порядке требуется включение в нее раздела *policy implications*. В свое время лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Бьюкенен призывал экономистов перестать давать политические советы исходя из установки, будто они наняты для этого неким благожелательным деспотом (Vuchanap, 1987). Бьюкенен не был услышан и подавляющее большинство современных экономистов продолжают воспринимать себя так, как если бы они действительно состояли на службе у благожелательного деспота — государства.

ческой теории, поскольку в поле зрения и политиков, и широкой публики попадает, как правило, он и только он (Korinek, 2015). Отсюда — неиссякающий поток гипертрофированных, политизированных, эмоционально нагруженных оценок, которыми на рубеже 2000–2010 гг. оказались переполнены масс-медиа во всем мире. Но такие оценки, рассчитанные на привлечение внимания публики, не обязательно должны быть верными.

Под влиянием шока от никем не прогнозировавшегося мирового экономического кризиса 2008–2009 годов излюбленным объектом критики как профессионалов, так и непрофессионалов стала основная «рабочая лошадь» современного макроэкономического анализа — динамическая стохастическая модель общего равновесия (dynamic stochastic general equilibrium model — DSGE), с использованием которой сегодня строится подавляющее большинство исследований по макроэкономическим проблемам. Каковы же главные претензии, которые ей предъявляются?

Одна из наиболее популярных — нереалистичность. Но подобная претензия, как минимум, не вполне корректна. Модели DSGE являются счетными, и при их калибровке за основу принимаются усредненные эмпирические оценки, которые следуют из имеющихся микроэкономических исследований по тем или иным конкретным проблемам (скажем, оценки эластичности предложения труда по заработной плате). В этом смысле для моделей DSGE характерна как раз-таки установка на реалистичность — по крайней мере, если говорить об исходных интенциях.

Но тогда, возможно, критики выступают с предложениями заменить модели DSGE нединамическими моделями? Нет. Вернуться к нестохастическим моделям, где нет места для неопределенности? Нет. Отказаться от учета общеравновесных эффектов (допустим, перейти к моделям частичного равновесия)? Тоже нет. Как ни странно, почти никто из критиков не покушается сегодня на ключевые конструктивные особенности моделей DSGE, которые даже ими воспринимаются как несомненные свидетельства серьезного научного прогресса (Reis, 2018). Речь идет не столько об отказе от них, сколько об их дополнении и усложнении.

Пожалуй, основной посыл методологической критики моделей DSGE сводится к тому, что они абстрагируются от ряда

важных функциональных характеристик экономической системы. Если попытаться суммировать предложения по совершенствованию моделей DSGE, которые встречаются чаще всего и пользуются наибольшей популярностью, то их список мог бы выглядеть примерно так: 1) отказ от идеи репрезентативного агента и учет гетерогенности домохозяйств; 2) раздельная трактовка потребительских предпочтений, относящихся к разным классам благ (товарам краткосрочного пользования, товарам длительного пользования, жилью); 3) переход от упрощенных моделей с агентами, имеющими бесконечный срок жизни, а следовательно, бесконечный горизонт планирования, к более сложным моделям с агентами, имеющими конечный срок жизни, а следовательно, конечный горизонт планирования; 4) отказ от предпосылки рациональных ожиданий и признание неполной рациональности экономических агентов; 5) замена (полная или частичная) экспоненциального дисконтирования гиперболическим; 6) учет не только шоков производительности, но также источников неопределенности, имеющих иную природу; 7) интеграция в макроэкономические модели финансового сектора; 8) учет эффектов экономического неравенства; 9) учет вероятного искажающего влияния налогов и государственных расходов; 10) более полный учет роли денег (Reis, 2018)⁹. Но, как подчеркивает Р. Рейс, если говорить не об учебниках по макроэкономике, а об исследованиях, находящихся на переднем крае науки, то в них попытки учета всех перечисленных факторов начались еще до наступления Великой рецессии и продолжались после нее (Reis, 2018).

В этом смысле ни о каком концептуальном разрыве между докризисным и посткризисным периодами говорить не приходится. Да, кризис привел к резкому расширению проблемного поля макроэкономического анализа: причины и механизмы Великой рецессии, оценка последствий политики количественного смягчения, особенности поведения экономики в условиях ZLB — это и многое другое стало предметом активного обсуждения. Однако совершенствование аналитического аппарата макроэкономической теории шло в посткризисный период по тем же самым направле-

9. Некоторые более радикальные критики предлагают также отказаться от обязательного построения макроэкономических моделей на микроэкономических основаниях и вернуться к более ранней (кейнсианской) практике использования чисто эмпирических наблюдаемых закономерностей, не выводимых из оптимизирующего поведения индивидов (Wren-Lewis, 2018).

ниям, что и в докризисный. Если сравнивать с тем, какое огромное влияние оказали на нее Великая депрессия и стагфляция, то интеллектуальный эффект Великой рецессии придется признать близким к нулю¹⁰. Никакого поворота в принципиально иное теоретическое русло, как это было в 1930-е и затем в 1970-е гг., не произошло: сместились акценты, расширился круг проблем, изменилась атмосфера дискуссий (убавилось самоуверенности), но общая концептуальная рамка и базовый аналитический аппарат остались прежними. Органическое продолжение тенденций, начавших действовать еще задолго до Великой рецессии, означает, что сами экономисты (подчас вопреки собственным декларациям) явно не верят в то, что макроэкономическая теория находится в кризисном состоянии.

Возможно, более серьезные проблемы связаны не с концептуальными ограничениями, присущими моделям DSGE, а с существованием негласных правил их практического применения (Korinek, 2015). Стандартная схема работы с ними включает три основных этапа: 1) на первом этапе устанавливаются исходные стилизованные факты, т. е. для временных рядов макроэкономических переменных, выбранных исследователем, оцениваются те или иные статистические характеристики (такие как стандартное отклонение, авторегрессия, ковариация и т.д.); 2) на втором этапе для тех же самых переменных строится модель DSGE, которая подвергается серии стохастических шоков, генерируемых неким заданным процессом; 3) на третьем этапе производится сравнение статистических характеристик фактических и смоделированных временных рядов с целью определить степень их близости (качество фитнеса) и, если она оказывается высокой, модель объявляется успешной (она объясняет «стилизованные» факты).

Однако при более близком рассмотрении подобная исследовательская стратегия оказывается в значительной мере произвольной и конвенционалистской, т. е. базирующейся на неявной договоренности внутри сообщества макроэкономистов, что считать «хорошей» практикой, а что «плохой», что есть «норма», а что нет, что признавать, а что не признавать «наукой». Так, не существует никаких объективных критериев, исходя из которых можно было бы установить, какие статистические характеристики избранных исследователем макроэко-

10. К сходному выводу недавно пришел П. Кругман (Krugman, 2018).

номических переменных должны учитываться в анализе, а какие нет. Это — зона чистой конвенции (иными словами — произвольного исследовательского выбора). Точно так же не существует никаких общепринятых статистических тестов, которые позволяли бы строго объективно оценивать степень близости фактических и симулированных временных рядов. Очень часто это делается вообще на глазок: на график наносятся две кривые и читатель должен сам решать, соглашаться ли ему с тем, что перед ним хороший фитнес, или нет. Неприятности на этом не заканчиваются: добавив к уже включенным в модель переменным еще одну, можно улучшить фитнес для них, но при этом ухудшить его для переменных, которые остались за рамками модели. Как следует поступать в такой ситуации, остается неясным. Наконец, нужно иметь в виду, что последовательно увеличивая число учитываемых в модели переменных, всегда можно достичь порога, за которым ее «хороший» фитнес сменится «плохим» (Korinek, 2015).

Экономистами, использующими модели DSGE, все эти условности проговариваются редко и крайне неохотно. Но невнимание к ним может становиться источником серьезной дезориентации как при интерпретации получаемых результатов, так и при выработке на их основе рекомендаций для экономической политики. В плане методологии столь своеобразная исследовательская практика заставляет даже задуматься, к чему макроэкономика DSGE ближе — к науке или искусству.

* * *

И в заключение — вновь к исходному вопросу. Как мне кажется, из представленных в этих заметках наблюдений следует достаточно тривиальный вывод, куда менее драматичный и сенсационный, чем можно сегодня зачастую услышать. То, что мы видим в настоящее время в экономической науке, трудно назвать триумфом, но трудно назвать и кризисом: это — будничное рабочее состояние. Правда, следует признать, не слишком вдохновляющее, сильно регуляризированное и не сулящее больших концептуальных прорывов, если я прав в том, что эпоха новых крупных теоретических идей в экономической науке миновала, что крен в сторону атеоретичности будет в ней только усиливаться и что чем дальше, тем все более интервенционистской она будет становиться.

ЛИТЕРАТУРА

- Капелюшников Р. (2015). Стратегии поведенческой экономики / *Науки о человеке. История дисциплин* / Под ред. А.Н. Дмитриева, И.М. Савельевой, М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Капелюшников Р. (2017). Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее // *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 2. С. 162–166.
- Фуркад М., Олсон Э., Альган Я. (2015). Превосходство экономистов // *Вопросы экономики*. № 7. С. 45–72.
- Almond D., Mazumder B. (2011). Health Capital and the Prenatal Environment: The Effect of Ramadan Observance During Pregnancy // *American Economic Journal: Applied Economics*, Vol. 3. No. 4. P. 56–85.
- Angrist J., Pischke J.-S. (2010). *The Credibility Revolution in Empirical Economics: How Better Research Design Is Taking the Con out of Econometrics*. Cambridge (MA): NBER. NBER Working Papers. No. 15794.
- Backhouse R., Cherrier B. (2017). The Age of the Applied Economist: the Transformation of Economics since the 1970s // *History of Political Economy*. Vol. 49. No. 5. P. 1–33.
- Buchanan J. (1987). The Constitution of Economic Policy // *American Economic Review*, Vol. 77. No. 3. P. 243–250.
- Card D., Krueger A.B. (1994). Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast Food Industry in New Jersey and Pennsylvania // *American Economic Review*. Vol. 84. No. 4. P. 772–793.
- Colander D. (2009). In Praise of Modern Economics // *Eastern Economic Journal*. Vol. 35. No. 1. P. 10–13.
- Das T., Polachek S.W. (2017). *Micro Foundations of Earnings Differences*. Bonn: IZA. IZA Discussion Paper Series. DP No. 10922.
- De Vroey M., Pensieroso L. (2016). *The Rise of a Mainstream in Economics*. Louvain: Université Catholique de Louvain. IRES Discussion Paper No. 2016–26.
- Hands D.W. (2014). Normative Ecological Rationality: Normative Rationality in the Fast-And-Frugal-Heuristics Research Program // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 21. No. 4. P. 396–410.
- Pekkala Kerr S., Kerr W.R. (2011). Economic Impacts of Immigration: A Survey. *Finnish Economic Papers*. Vol. 24. No. 1. P. 1–32.
- Klein D.B., Stern Ch. (2007). Is There a Free-Market Economist in the House? The Policy Views of American Economic Association Members // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 66. No. 2. P. 309–344.

- Klein D.B., Davis W.L., Hedengren D.* (2013). Economics Professors' Voting, Policy Views, Favorite Economists, and Frequent Lack of Consensus // *Econ Journal Watch*. Vol. 10. No. 1. P. 116–125.
- Langbert M., Quain A.J., Klein D.B.* (2016). Faculty Voter Registration in Economics, History, Journalism, Law, and Psychology // *Econ Journal Watch*. Vol. 13. No. 3. P. 422–451.
- Korinek A.* (2015). Thoughts on DSGE Macroeconomics: Matching the Moment, but Missing the Point? www.ineteconomics.org/uploads/downloads/Korinek-DSGE-Macro-Essay.pdf.
- Krugman P.* (2018). Good Enough for Government Work? Macroeconomics since the Crisis // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 34. No. 1–2. P. 156–168.
- Reis R.* (2018). Is Something Really Wrong with Macroeconomics? // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 34. No. 1–2. P. 132–155.
- Wren-Lewis S.* (2018). Ending the Microfoundations Hegemony // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 34. No. 1–2. P. 55–69.

А.М. Либман

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ: «РЕВОЛЮЦИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ»?

Аннотация. Доклад посвящен анализу ключевых изменений в практике эмпирических экономических исследований, происходящих в последние десятилетия – так называемой «революции достоверности». Повышенное внимание к дизайну исследований и использование естественных и полевых экспериментов как критерия качества для эмпирической экономики позволяет избежать многих проблем, ранее свойственных эмпирике, и получить выводы, в большей степени заслуживающие доверия. В то же время «революция достоверности» связана и с рядом проблем – прежде всего искаженной мотивацией исследователей, концентрирующихся на поиске естественных и полевых экспериментов в ущерб широте тем исследования. В докладе обсуждаются альтернативные подходы к повышению качества эмпирических исследований, в том числе и использующиеся в других общественных науках.

Ключевые слова: «революция достоверности», эмпирическая экономика, естественные эксперименты, полевые эксперименты.

Классификация JEL: B41, C01, C51.

A.M. Libman

EMPIRICAL RESEARCH IN THE ECONOMY: "REVOLUTION OF AUTHENTICITY»?

Abstract. The paper analyzes the main changes in the practice of empirical economic research of the last decades – the so-called “credibility revolution” in econometrics. Increasing attention to the research design and the use of natural and field experiments as the main quality criterion for the empirical economics solves numerous problems previously typical for the empirical research and obtain more credible results. At the same time, the “credibility revolution” gives rise to a number of problems: in particular, it distorts the incentives of researchers focusing on searching for natural and field experiments and thus disregarding topics where these experiments are not available. The paper discusses alternative approaches to increasing the quality of empirical research, including those used in other social sciences.

Keywords: “credibility revolution”, empirical economics, field experiments, natural experiments.

JEL Classification: B41, C01, C51.

Введение

Экономическая наука в настоящее время, вне всякого сомнения, представляет собой эмпирическую дисциплину — большинство экономистов основное внимание уделяет не развитию теории и построению формальных моделей, а тестированию теоретических выводов с использованием эконометрических методов. При этом экономика — единственная в семье социальных наук дисциплина, в которой количественные методы (и прежде всего эконометрический анализ) признаются единственным способом тестирования гипотез — в остальных науках присутствуют и качественные методы эмпирических исследований, сосуществующие и соперничающие с количественными. Конечно, как указывают некоторые влиятельные теоретики, ценность формальных моделей не ограничивается их способностью генерировать тестируемые гипотезы [Rubinstein (2006), Uhlig (2012)] (а некоторые модели в принципе не строятся с целью последующего эмпирического тестирования, а применяются для других целей [Johnson (2010)]), но на практике эмпирические исследования играют все более и более важную роль в экономическом анализе.

Причины расцвета эмпирических исследований связаны как с растущей доступностью данных, так и простотой использования прикладных эконометрических пакетов. Достоинства количественных методов исследования экономической реальности очевидны. В идеале эконометрические результаты могут быть легко перепроверены и воспроизведены другими исследователями, не зависят от идеологических предпочтений и вкусов¹ или от выбора конкретного примера для анализа. Воспринимаются ли эти обстоятельства как преимущества, зависит от особенностей восприятия научности в дисциплине [Strübing (2018)], но для позитивистских подходов (в число которых входят и экономическая наука, и большая часть политологии, и определенная часть социологии) качество эмпирического исследования определяется именно этими требованиями. Помимо этого, количественные методы обладают и определенными тактическими преимуществами на рынке

1. Точнее говоря, идеология может влиять на выбор исследовательских тем и кодирование переменных, но сами процедуры, показывающие существование корреляции или причинно-следственной связи между переменными, могут быть воспроизведены вне зависимости от идеологических предпочтений [Ray and Valeriano (2003)].

научных публикаций – количественнику часто проще разделить свой проект на то или иное число статей, выводы работ, использующих количественные методы, более конкретны (что повышает их цитируемость), и, как следствие, в соперничестве количественников и качественников первые имеют существенные преимущества.

В реальности, к сожалению, далеко не все количественные исследования соответствуют этому идеалу. Более того, расцвет эмпирических исследований сопровождается и резким ростом числа очень слабых и неубедительных работ. Не случайно исходно в экономической науке было немало сомнений в применимости эконометрики (так, скептиком в этом отношении был Джон Мейнард Кейнс [Keynes (1939)]). Острые дискуссии о проблемах эконометрической методологии велись и в 1970-е гг. [Leamer (1983)]. Поэтому столь важной для экономики стала разработка *критериев качества* в эмпирических исследованиях. Что отличает хорошую работу от плохой? Какие характеристики должно иметь по-настоящему хорошее исследование?

Последние пятнадцать лет в этом отношении стали временем коренного переворота в экономической науке – своего рода «революции достоверности» (credibility revolution) [Angrist and Pischke (2010)]. «Революция достоверности» создала новый жесткий стандарт качества экономических исследований, сегодня признанный практически во всех областях экономической науки (кроме, наверное, макроэкономики), хотя и не нашедший еще полного отражения в учебной литературе [Angrist and Pischke (2017)]. В то же время нельзя не признать и наличие ряда серьезных издержек «революции достоверности», особенно бросающихся в глаза, если сравнивать экономику с другими общественными науками (например, политологией, где используются немного другие подходы к решению аналогичных проблем [Libman (2012)]). Цель этого доклада состоит в обсуждении основных преимуществ «революции достоверности» и проблем, которые она породила.

1. Достоверность и воспроизводимость

Перед тем, как перейти, собственно, к обсуждению «революции достоверности», мы должны коротко коснуться другого важного аспекта повышения качества экономических исследований, в отношении которого также иногда используется термин «досто-

верность», — более жестких требований к воспроизводимости научных результатов. Как уже говорилось, количественные исследования предполагают, что любой исследователь может без проблем воспроизвести любой ранее полученный и опубликованный результат. Практика показывает, однако, что это требование далеко не всегда соблюдается. Это связано с множеством факторов: ошибками (которые встречаются даже в ведущих изданиях [Stojmenovska, Bol and Leopold (2017)]), непрозрачными процедурами сбора и обработки данных, недостаточным вниманием к документированию всех шагов исследования, различиями в имплементации эконометрических процедур в разных программных продуктах и т.д. Исследования, публиковавшиеся еще совсем недавно, показывали крайне низкую способность экономистов воспроизвести результаты статей во влиятельных журналах [Dewald, Thursby and Anderson (1986)].

Помимо этого, результаты должны быть в принципе воспроизводимы на разных выборках — но это условие соблюдается еще реже. Во-первых, далеко не для любой работы в принципе можно легко найти альтернативную выборку. Как быть в этом случае с межстрановыми или межрегиональными сравнениями?² Во-вторых, недавнее исследование для экспериментальной экономики (где получить альтернативные выборки относительно несложно) показало, что заметная доля экспериментальных результатов в экономике оказывается невозпроизводимой [Camerer, Dreber, Forsell, Ho, Huber, Johannesson, Kirchler, Almenberg, Altmejd, Chan, Heikensten, Holzmeister, Imai, Isaksson, Nave, Pfeiffer, Raza, Wu (2016)]. И ситуация все равно гораздо лучше, чем в некоторых других дисциплинах — в психологии, например, можно говорить о настоящем кризисе воспроизводимости, когда большинство (до 70%) результатов не удается повторить на других выборках [Open Science Collaboration (2015)]. В любом случае задача перепроверки и воспроизводства результатов требует больших усилий научного сообщества.

В этом отношении последнее десятилетие в экономике ознаменовалось существенным прогрессом. Главный залог воспроизводимости результатов — требования к большей прозрач-

2. Конечно, возникает вопрос, а могут ли стандартные методы фреквентистской эконометрики в принципе применяться к данным, которые нельзя трактовать как случайную выборку из генеральной совокупности, или следует обратиться к методам байесовской эконометрики [Schrodtt (2014)].

ности всех шагов исследования. Сегодня нормой для всех ведущих и многих сильных научных журналов стало требование публикации использующихся данных, всех эконометрических процедур их обработки и кода для эконометрических программ. Это позволяет легко обнаружить ошибки и попытки манипуляции данными. Впрочем, несмотря на эти достижения, проблемы с воспроизводимостью остаются [Duvendack, Pamer-Jones, Reed (2017)]. Это связано с отсутствием успехов на другом направлении — создании стимулов для экономистов действительно стремиться перепроверять работы друг друга и делать полученные результаты достоянием гласности. Во-первых, журналы предпочитают публиковать оригинальные статьи, а не попытки воспроизведения других работ. К тому же, во-вторых, для молодого исследователя публикация статьи, разбирающей ошибки влиятельного представителя научного сообщества, связана с большим риском для дальнейшей карьеры. И все же экономическая наука в этом отношении непрерывно прогрессирует. Достаточно вспомнить влиятельное исследование К. Райнхарт и К. Рогоффа, результаты которого оказались продуктом ошибки в Excel — что и удалось обнаружить другим исследователям [Krugman (2013)].

2. Эконометрика и причинно-следственные связи

Главное же изменение в современной эмпирической экономике, собственно говоря то, что можно назвать «революцией достоверности», связано с более жесткими требованиями к дизайну исследований. Утверждение, что корреляция не обязательно является признаком причинно-следственной связи, является банальностью в современной исследовательской литературе; корреляция двух переменных может быть вызвана третьей, ненаблюдаемой переменной (confounder). «Революция достоверности» состоит в том, что от экономистов требуется так строить свои исследования, чтобы как можно больше снизить роль возможных ненаблюдаемых переменных (и других аналогичных проблем эндогенности) — в результате возникает возможность интерпретировать полученные результаты как свидетельства причинно-следственной связи. Конкретно так называемый эксперименталистский подход (experimentalist approach) к эмпирическим исследованиям предлагает конкретные

требования к дизайну исследований³. Наверное, главный элемент эксперименталистского подхода — представление о том, что главной задачей эконометрического исследования является не поиск технических решений тех или иных проблем (более сложных методов оценки, дополнительных тестов), а содержательная организация исследования таким образом, который позволяет сделать выводы о причинно-следственных связях.

В естественных науках для выявления влияния одной переменной на другую используется эксперимент — искусственная ситуация, в которой все переменные зафиксированы на постоянном уровне, кроме одной — главной объясняющей переменной. Поэтому любые изменения в зависимой переменной могут быть вызваны исключительно изменениями в этой объясняющей переменной. В естественных науках все контрольные переменные фиксируются физически — за счет создания определенных лабораторных условий, в которых исключается влияние всех других факторов. В медицине аналогичный эффект достигается за счет рандомизации воздействия. Например, если требуется испытать эффект нового лекарства, субъекты, участвующие в эксперименте, случайным образом делятся на две группы: одна получает лекарство, а одна — плацебо. Поскольку субъекты в каждую группу отбираются случайным образом (в идеале ни они сами, ни врачи не знают, в какой группе субъекты находятся), возможная корреляция между приемом лекарства и прогрессом в излечении заболевания не может быть объяснена другими переменными, и прежде всего систематическими различиями между экспериментальной и контрольной группами. С точки зрения эксперименталистского подхода идеал эконометрики — максимальное приближение к эксперименту.

В лучшем из возможных случаев экономист использует так называемый рандомизированный эксперимент (randomized controlled trial) (иногда также говорят о полевом эксперименте (field experiment)). В этом случае, как и в медицине, воздействию

3. Термин «эксперименталистский подход» следует отличать от термина «экспериментальный подход» — последний, свойственный экспериментальной экономике, описывает практику лабораторных экспериментов, а первый описывает практику работы с реальными полевыми данными, но на основе стандартов, сформулированных исходя из конвенции эксперимента в естественных науках.

подвергается лишь случайным образом отобранная часть субъектов. Например, государство, вводя новые инструменты регулирования, подвергает им не всех граждан, а лишь жителей некоторых случайным образом отобранных городов. Ключевым здесь является именно случайный отбор — если эксперимент с самого начала проводится в отраслях или в регионах, где его успех более вероятен, использоваться для выявления причинно-следственных связей он не может (например, знаменитые китайские эксперименты, связанные с введением свободных экономических зон, экспериментами с точки зрения рассматриваемого подхода не являются).

Конечно, проведение полевых экспериментов возможно далеко не всегда, поэтому на втором месте по качеству с точки зрения эксперименталистского подхода находится так называемый естественный эксперимент (*natural experiment*). В этом случае контрольная и экспериментальная группы отбираются не случайным образом, однако факторы, влияющие на отбор, никак не могут повлиять на зависимую переменную. Представим себе, например, ситуацию, в которой государство вводит новые инструменты регулирования во всех городах страны, название которых начинается с буквы, находящейся в первой половине алфавита. Отбор является, строго говоря, неслучайным — более того, он полностью определяется конкретным фактором (названием города). Однако критерий, по которому производился отбор, никак не коррелирован ни с какими другими факторами, которые могли бы повлиять на зависимую переменную (результаты государственной политики).

В отсутствие и полевых, и естественных экспериментов исследователь должен стремиться использовать другие подходы, позволяющие решить проблему хотя бы частично. К ним относятся, например, метод инструментальных переменных, метод разности разностей (*difference-in-difference*) или использование панельных данных с региональными фиксированными эффектами. Однако даже если такие подходы недоступны, эксперименталистский подход все же позволяет повысить качество исследования. Например, он дает четкие указания относительно того, какие переменные должны быть включены в модель. В прошлом нередко были примеры использования регрессий, включающих в себя все переменные

без исключения и тестирующих таким образом все возможные гипотезы одновременно. Сегодня уже очевидно, что делать утверждения относительно причинно-следственной связи на основе таких подходов нельзя: наоборот, всегда требуется выделить одну переменную, эффект которой подвергается тестированию, и, исходя из этой переменной, включать в модель другие переменные (или, наоборот, не учитывать переменные в качестве контрольных).

Эксперименталистский подход многократно усложняет работу эмпириков — его требования не сводятся к механическим процедурам и не решаются путем простого увеличения вычислительных мощностей. Зато он позволяет получать результаты, которые действительно могут трактоваться как свидетельство причинно-следственных связей. Помимо этого, «революция достоверности» позволяет нам построить своего рода иерархию исследований — от полевых экспериментов (которые действительно могут трактоваться как убедительные свидетельства в пользу того или иного теоретического утверждения) до простых регрессий, которые должны трактоваться исключительно как свидетельство корреляции переменных. На практике эта иерархия реализуется за счет функционирования иерархии научных журналов — чем выше уровень журнала, тем ниже шансы, что в нем будет принята статья с менее достоверным дизайном исследования.

Наконец, эксперименталистский подход является эффективным заслоном на пути волны сомнительных и некачественных исследований. Он также затрудняет так называемый *p-hacking*. Давней проблемой эмпирических исследований в экономике (как и в других общественных науках) является склонность журналов публиковать исключительно статистически значимые результаты, т. е. статьи, где эффект подтверждается. Статьи, в которых не удалось опровергнуть нулевую гипотезу отсутствия эффекта, научные журналы публикуют менее охотно — обычно только в случае действительно важных исследовательских тем, для которых работа, не подтверждающая корреляцию между переменными, взрывает уже существующий консенсус. Эта проблема (известная как *publication bias*) не только затрудняет адекватный анализ научных результатов (каждый раз, читая обзор литературы по той или иной теме, мы должны учитывать, что на самом деле он неполон — статьи, в кото-

рых не удалось найти подтверждения существованию эффекта, просто-напросто не были опубликованы), но и искажает стимулы исследователей. В современном мире, где публикация является ключевым мерилем успеха, ученые склонны специально подбирать такую модель (выборку, спецификацию), в которой эффекты остаются значимыми.

Иначе говоря, опубликованные в большинстве журналов регрессии представляют собой результат длительного экспериментирования и поиска такой модели, в которой сохраняются значимые результаты, — огромное число других моделей, в которых эффекты оказались незначимы, было отброшено автором при подготовке статьи к публикации. Борьба с проблемой *p-hacking* можно тремя путями. Во-первых, можно стимулировать практику перепроверки результатов уже опубликованных исследований; однако, как уже говорилось выше, результаты на этом направлении пока скромные. Во-вторых, можно детально регулировать весь процесс исследования — по образцу медицины, где любое действие исследователя протоколируется и доступно сторонним наблюдателям. В некоторых случаях можно использовать практику пререгистрации исследования — когда решение о публикации принимается еще до того, как были получены те или иные результаты, исходя исключительно из предложенного исследовательского вопроса и методологии. Однако такие практики применимы лишь к определенным областям — для многих сфер экономических исследований они обернутся лишь чрезмерной бюрократизацией работы ученых. И наконец, эксперименталистский подход предлагает третью альтернативу: к исследователям предъявляются очень высокие требования к обоснованию выбранной ими спецификации регрессии и стратегии, основанные на экономической теории, — а это делает *p-hacking* гораздо более сложным.

К сожалению, несмотря на бесспорные преимущества эксперименталистского подхода, он сталкивается и с рядом существенных недостатков. В дальнейшем мы рассмотрим три основные проблемы: влияние эксперименталистского подхода на критерии отбора тем для исследований; убедительность используемых исследователями естественных экспериментов, и недостаточное внимание к проблеме механизмов, объясняющих наблюдаемый эффект.

3. Исследовательские темы или естественные эксперименты?

Доминирование эксперименталистского подхода не может не оказывать воздействия на стимулы, воздействующие на поведение исследователей-эмпириков. Экономическая наука, даже в большей степени, чем другие общественнонаучные дисциплины, живет по принципу „publish or perish“ («публикуйся или умри») — публикации в престижных журналах являются ключевым критерием распределения должностей и грантов. Поэтому неудивительно, что при подборе исследовательских тем экономисты большое внимание уделяют их способности в конечном счете стать темой статьи в ведущем журнале. Эксперименталистский подход недвусмысленно заявляет: топ-журналы должны принимать исключительно статьи, основанные на естественных или полевых экспериментах. Однако далеко не любая тема может стать предметом такого эксперимента. Скажем, полевые эксперименты в области экономической политики могут проводить лишь государственные органы, для которых ключевое требование эксперименталистского подхода — случайное распределение воздействия (новой политики) — может быть неприемлемо по политическим причинам. Возникают и этические вопросы.

Что касается естественных экспериментов, то найти их не так-то просто. Как правило, они возникают или в результате внешнего шока (например, природных катастроф или изменений погоды), или резких политических изменений (но для таких экспериментов обосновать допущение «как будто бы» случайного распределения очень сложно), или влияния исторических факторов. Для подавляющего большинства исследовательских вопросов, таким образом, естественные эксперименты попросту отсутствуют; их возникновение непредсказуемо или связано с прогрессом других, неэкономических дисциплин (например, истории). В результате нередко получается, что современные экономисты нередко пишут статьи только потому, что им удалось обнаружить убедительный естественный эксперимент, уже потом подбирая исследовательский вопрос, подходящий к этому эксперименту. Можно сказать, что исследователи стремятся *не столько исследовать интересные*

и важные темы, сколько исследовать темы, в которых доступны полевые или естественные эксперименты.

Такая ситуация не только сокращает доступный исследователям спектр тем, но и может привести к систематическим искажениям: например, если полевые или естественные эксперименты доступны только для конкретных стран или регионов. К тому же нельзя забывать и о проблеме генерализации — обобщить выводы того или иного естественного эксперимента на другие кейсы (страны, регионы, отрасли) можно не всегда (проблема „external validity“). В других общественных науках (социологии и политологии) нередкими стали так называемые опросные эксперименты (survey experiments): их идея состоит в том, что каждый респондент получает свою версию опросника, в которых приводятся (случайным образом распределенные по выборке) гипотетические ситуации, и должен отреагировать на эти ситуации. Экономисты в принципе открыты к опросным экспериментам, но в целом относятся к ним более скептически, чем, например, социологи: дело в том, что одно из ключевых теоретических положений экономической науки состоит в том, что доверять следует не тому, как респонденты сами описывают свои предпочтения (поскольку у них нет никаких стимулов отвечать на вопросы честно — возникает ситуация „shear talk“), а тому, как респонденты *ведут себя в реальности*, столкнувшись с той или иной ситуацией (и когда те или иные решения ведут к реальным издержкам для акторов: так называемые выявленные предпочтения — „revealed preferences“). Очевидно, что опросные эксперименты не соответствуют данному критерию.

В естественных науках ответом на данную проблему стало формирование своего рода экосистемы статей, допускающей как исследования, в центре внимания которых находятся вопросы оценки причинно-следственных связей, так и чисто описательные тексты, констатирующие новые, ранее неизвестные факты. В биологии, например, описание нового вида также является вкладом в науку, как и тестирование общих теорий [Lieberman (2016)]. Однако в общественных науках формирование такой экосистемы идет с большим трудом. Это связано, парадоксальным образом, с более мягкими критериями научности в общественных науках. В отличие от естественных наук, где эволюция представлений о том,

что, собственно говоря, можно считать научным, шла столетиями, общественные науки прошли гораздо более короткую историю. Это часто побуждает исследователей занимать более жесткую позицию методологического пуризма (часто основанного на некритическом заимствовании тех или иных практик других дисциплин или подходов философии науки). На практике ведущие научные журналы в экономике редко публикуют описательные работы, уделяя основное внимание тестированию утверждений и гипотез.

4. Естественные эксперименты и риторика

Другая и не менее сложная проблема состоит в том, в какой степени мы вообще можем доверять тому, что исследователи называют «естественными экспериментами». К. Симс, один из классиков эконометрики, в этой связи утверждает что «естественные эксперименты и квазиэксперименты ... не являются настоящими экспериментами. Они являются риторическими приемами, к которым прибегают, чтобы избежать обсуждения настоящих эконометрических проблем» [Sims (2010), P. 59, перевод автора]. Действительно: если с полевыми экспериментами ситуация является более или менее понятной (но их доступность в исследовательской практике крайне ограничена), в естественных экспериментах исследователь всегда должен обосновать, что ключевое допущение, на котором строится вся аргументация — представление о том, что воздействие распределено практически случайным образом — само по себе не может быть подвергнуто эконометрическому тестированию. Парадоксальным образом наиболее количественная из общественных наук оказалась в зависимости от качественных дисциплин (например, истории), которые используются для обоснования ключевых допущений, заставляющих экономистов интерпретировать те или иные ситуации как эксперименты [Kocher and Monteiro (2016)]. В других случаях экономисты опираются на выводы естественных наук (биологии, генетики, метеорологии), что также ведет к проблемам. *Сколько хорошо экономисты разбираются в выводах других наук, на которые они ссылаются в обоснование допущения естественных экспериментов?*

Например, при использовании выводов истории экономисты нередко ссылаются на один-единственный источник (статью или монографию), в которой содержится поддерживающее их допу-

щения утверждение. Однако многие темы в исторической науке являются дискуссионными, так что в других статьях или книгах могут содержаться противоположные выводы. Проблема является даже более сложной – история как гуманитарная наука заинтересована не столько в фиксации фактов (хотя, конечно, последняя является необходимой для любого добросовестного историка), сколько в построении новых нарративов, реинтерпретации тех или иных исторических событий и т.д. [Lustick (1996); Thies (2002); Büthe (2002)]. Подчеркнем – речь не идет о сознательном манипулировании факторами (конечно, такая практика категорически отвергается любым честным исследователем). Скорее, речь идет о том, что работы историков редко содержат однозначные категоричные утверждения, свойственные позитивистским дисциплинам и необходимые экономистам. Последние, в любом случае, не осведомлены о всем богатстве выводов исторической науки. Другой пример – используя выводы психологии, экономист не всегда осведомлен о проблеме кризиса достоверности, описанной выше, и склонен чрезмерно доверять статьям в психологических журналах. Способны ли экономисты-исследователи (и рецензенты экономических журналов) адекватно оценить, стоит ли доверять выводам других наук?

Полностью решить описываемую проблему едва ли возможно. Экономисты просто не могут превратиться в историков (психологов, географов или биологов) в силу ограниченности человеческих когнитивных способностей – большинство исследователей не в состоянии в равной степени хорошо овладеть методами и усвоить выводы разных дисциплин. Единственный выход состоит в интенсивном диалоге с представителями других наук, без вотума которых утверждения о случайности распределения воздействия не должны восприниматься как достоверные. Но и добиться такого диалога не так-то просто – проблема лежит даже не в экономической науке (которую со времен экономического империализма обвиняют в высокомерии по отношению к другим дисциплинам). Для историка, например, диалог с экономистом также требует отказа от ряда ключевых допущений его дисциплины (например, перехода на позитивистские позиции, готовности к упрощению результатов). Если некоторые историки открыты к такой трансформации (например, клиометрики), для других она является недопустимой [Boldizzoni (2014)].

5. Механизмы

Наконец, третья проблема состоит в том, что чрезмерное внимание к поиску естественных или полевых экспериментов отвлекает исследователей от другого, не менее важного вопроса — определению того, какие именно *причинно-следственные механизмы* порождают наблюдаемый эффект. Иначе говоря, важно не только отвергнуть все альтернативные объяснения (а именно в этом и состоит суть эксперименталистского подхода — поиск дизайнов исследования, в которых корреляция двух переменных не может быть вызвана третьей ненаблюдаемой переменной), но и четко объяснить, *почему* наблюдается эффект⁴. В отсутствие анализа механизмов мы с неизбежностью сталкиваемся с рядом проблем: например, наблюдаемый эффект может представлять собой агрегированное воздействие нескольких механизмов, которые в принципе противоположны друг другу, и в результате интерпретировать выводы исследования оказывается крайне сложно [Rosenzweig and Wolpin (2010)].

Наибольшее внимание тема механизмов получила в так называемой аналитической социологии [Hedström and Ylikoski (2010)], где некоторые исследователи даже призывают к использованию самостоятельной концепции причинности, основанной на детальном анализе механизмов [Goldthorpe (2001)]. В принципе анализ механизмов сам по себе может применяться как стратегия идентификации (т.н. *front-door criterion*) [Pearl (2000)]. Но в практической работе исследователей найти адекватную стратегию тестирования механизмов не так-то просто, а перекося внимания исключительно к поиску естественных и полевых экспериментов делает анализ механизмов в принципе менее привлекательным для экономистов. Существует и достаточно влиятельный подход, утверждающий, что выявление механизмов в принципе требует использования качественных подходов, отслеживающих особен-

4. Не вдаваясь в детали, следует ответить, что наше утверждение не является бесспорным и может рассматриваться как проявление интуиционистской логики, подвергающей критике закон исключенного третьего. Но даже не обсуждая проблематику на этом уровне, нельзя не согласиться, что, как минимум, общее понимание механизмов, генерирующих тот или иной результат, является небезынтересным для научного исследования.

ности поведения конкретных субъектов, так что использование эксперименталистских методов принципиально не может помочь с решением данной задачи.

6. Выводы и альтернативы

Приведенный каталог проблем эксперименталистского подхода нельзя считать исчерпывающим [Deaton, Cartwright (2018)], но уже он позволяет выявить ряд достаточно серьезных проблем, с которыми сталкивается экономическая наука за счет доминирования данного направления в эконометрических исследованиях. Конечно, описанные проблемы свойственны далеко не всем эконометрическим исследованиям. Как раз лучшие представители дисциплины стремятся и к детальному исследованию механизмов, и к внимательному изучению и обсуждению допущений, и к поиску экспериментов, описывающих действительно важные и значимые темы для экономической науки. Однако подавляющее большинство экономистов (в том числе большинство из тех, чьи работы публикуются в ведущих журналах дисциплины), к сожалению, нередко сталкиваются с описанными проблемами и уделяют недостаточно внимания их решению.

Конечно, эксперименталистский подход в описанном виде не является единственным способом повышения качества эмпирических исследований в экономической науке. И в самой экономике в прошлом, и в других общественных науках имеется ряд альтернатив, которые, впрочем, все обладают своими недостатками. Политологи, например, далеко не всегда стремятся к поиску стратегий идентификации, соответствующих эксперименталистским принципам — вместо этого они пытаются сочетать качественные и количественные методы, где первые применяются для выявления причинно-следственных взаимосвязей (process-tracing) [Lieberman (2005)]. Проблема, конечно, состоит в том, что такие методы основаны на отборе кейсов для детального исследования на основе эконометрических регрессий, т. е. смещенные оценки (порожденные неадекватным дизайном исследования) ведут и к неадекватному отбору кейсов [Rohlfing (2008)]. К тому же далеко не все исследователи обладают необходимыми навыками для проведения и качественных, и количественных исследований,

а это может привести к росту числа работ, в которых смешанные методы становятся синонимом сочетания плохой эконометрики и плохого качественного анализа [Gehlbach (2015)]⁵. Наконец, нельзя забывать, что различия между качественными и количественными методами не сводятся просто к разным способам сбора и анализа данных: различается само понятие причинности (ради исследования которой и создавался эксперименталистский подход). Если в количественных методах основное внимание уделяется влиянию того или иного фактора в изоляции от всех остальных (принцип *ceteris paribus*), то качественные методы часто занимают поиск кумулятивной причинности — воздействия целого ряда факторов, присутствующих в реальной эмпирической ситуации и взаимодействующих между собой [Mahoney and Goertz (2006)]. И все же, несмотря на все ограничения, использование смешанных методов может позволить выявить причинно-следственные механизмы для гораздо более широкого спектра исследовательских вопросов, чем эксперименталистский подход.

В самой экономической науке альтернативами являются оценка структурных моделей, напрямую сформулированных на основе экономической теории (этот подход до сих пор доминирует в исследованиях отраслевых рынков), или анализ векторных авторегрессий, основанных на принципиально отличной концепции причинности (эта методология играет важную роль в макроэкономике). Наконец, в 1970-е гг. многие экономисты призывали к другому пути повышения достоверности эконометрики: анализу устойчивости (*sensitivity*) результатов к различным спецификациям. Иначе говоря, вместо поиска одной-единственной истинной модели, экономисты должны оценить максимально большое число разных моделей и понять, как меняются результаты в зависимости от изменения допущений. Примером являются такие подходы, как „*extreme bounds analysis*“ или „*general-to-specific*“. Однако и приме-

-
5. Точно так же можно отказаться от идеала естественного или полевого эксперимента, сосредоточив внимание на улучшении качества регрессий, которые на практике могут быть использованы в исследованиях тех или иных вопросов (как это делают социологи, применяя, например, язык направленных ациклических графов (DAG) [Elwert and Winship (2014)]). Однако этот подход на практике означает, что мы признаем для себя приемлемым использование неидеальных исследовательских дизайнов, которым не всегда можно доверять.

нение этой методологии едва ли является идеальной альтернативой, в конце концов, главная критика этих методов со стороны эксперименталистов (тестирование огромного числа моделей, в большинстве своем дающих смещенные оценки, никак не приближает нас к истине) также является справедливой.

Наконец, остается и еще один вопрос. Наш предшествовавший анализ описывал эксперименталистский подход как своего рода продукт объективной эволюции экономической науки. Но, конечно, возможен и другой взгляд — эксперименталистский подход может рассматриваться как один из примеров моды на те или иные подходы и инструменты анализа, часто сменяющейся в экономической науке (порой со сменой поколений ученых). С этой точки зрения однозначно предсказать, что (и когда) придет на смену эксперименталистскому подходу и какие аспекты исследования окажутся в центре внимания литературы в будущем, крайне сложно.

В любом случае требуется признать: для большинства практикующих экономистов наиболее интересной темой при анализе развития экономической науки является не обсуждение адекватности базовых теоретических моделей и не критика или поддержка «человека экономического» — который все равно в экономике сегодня существует на равных с многочисленными поведенческими моделями — а масштабы применения эксперименталистского подхода, на практике ограничивающего выбор тем и методов исследований. Безусловно, в связи с этим перспективы эксперименталистского подхода заслуживают самого пристального внимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Angrist J.D., Pischke J.-S.* The Credibility Revolution in Empirical Economics: How Better Research Design is Taking the Con out of Econometrics // *Journal of Economic Perspective*. 2010. Vol. 24. No. 2. P. 3–30.
- Angrist J.D., Pischke J.-S.* Undergraduate Econometric Instruction: Through Our Classes, Darkly. IZA Discussion Paper. No. 10535.
- Boldizzoni F.* The Poverty of Clio: Resurrecting Economic History. Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Büthe T.* Taking Temporality Seriously: Modeling History and the Use of Narratives as Evidence // *American Political Science Review*. 2002. Vol. 96. No. 3. P. 481–493.

- Camerer C., Dreber A., Forsell E., Ho T.-H., Huber J., Johannesson M., Kirchler M., Almenberg J., Altmejd A., Chan T., Heilensten E., Holzmeister F., Imai T., Isaksson S., Nave G., Pfeiffer T., Razen M., Wu H.* Another Social Science Look at Itself // *Science*. 2016. Vol. 351. No. 6280. P. 1433–1436.
- Deaton A., Cartwright N.* Understanding and Misunderstanding Randomized Controlled Trials // *Social Science and Medicine*, 2018, in press.
- Dewald W.G., Thursby J.G., Anderson R.G.* Replication in Empirical Economics: The Journal of Money, Credit and Banking Project // *American Economic Review*. 1986. Vol. 76. No. 4. P. 587–603.
- Duwendack M., Pamer-Jones R., Reed W.R.* What Is Meant by Replication and Why Does It Encounter Resistance in Economics? // *American Economic Review*. 2017. Vol. 107. No. 5. P. 46–51.
- Elwert F., Winship C.* Endogenous Selection Bias: The Problem of Conditioning on a Collider Variable // *Annual Review of Sociology*. 2014. Vol. 40. P. 31–53.
- Gebblach S.* The Fallacy of Multiple Methods // *APSA Comparative Politics Newsletter*. 2015. P. 11–12.
- Goldthorpe J.H.* Causality, Statistics and Sociology // *European Sociological Review*. 2001. Vol. 17. No. 1. P. 1–20.
- Hedström P., Ylkkoski P.* Causal Mechanisms in the Social Sciences // *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36. P. 48–67.
- Johnson J.* Why Rationality Assumption? Or, How Positive Political Theory Rests on a Mistake // *Political Studies*. 2010. Vol. 58. No. 2. P. 282–299.
- Keynes J.M.* Professor Tinbergen's Method // *Economic Journal*. 1939. Vol. 49. No. 195. P. 558–577.
- Kocher M.A., Monteiro N.P.* Lines of Demarcation: Causation, Design-Based Inference and Historical Research // *Perspectives on Politics* 2016. Vol. 14. No. 4. P. 952–975.
- Krugman P.* The Excel Depression // *New York Times*. www.nytimes.com/2013/04/19/opinion/krugman-the-excel-depression.html.
- Leamer E.E.* Let's Take the Con Out of Econometrics // *American Economic Review*. 1983. Vol. 73. No. 1. P. 31–43.
- Libman A.* Learning to Be Different: Quantitative Research in Economics and Political Science // *Rationality, Markets and Morals*. 2012. Vol. 3. P. 178–184.
- Lieberman E.* Can a Biomedical Research Cycle Be a Model for Political Science? // *Perspectives on Politics*. 2016. Vol. 14. No. 4. P. 1054–1066.
- Lieberman E.* Nested Analysis as a Mixed-Method Strategy for Comparative Research // *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. No. 3. P. 435–452.

- Lustick I.S.* History, Historiography, and Political Science: Multiple Historical Records and the Problem of Selection Bias // *American Political Science Review*. 1996. Vol. 90. No. 3. P. 605–618.
- Mahoney J., Goertz G.* A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research // *Political Analysis*. 2006. Vol. 14. P. 227–249.
- Open Science Collaboration. Estimating the Reproducibility of Psychological Science // *Science*. 2015. Vol. 346. No. 6251.
- Pearl J.* Causality: Models, Reasoning and Inference. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Ray J.L., Valeriano B.* Barriers to Replication in Systematic Empirical Research on World Politics // *International Studies Perspectives*. 2003. Vol. 4. No. 1. P. 79–80.
- Rohlfing I.* What You See Is What You Get: Pitfalls and Principles of Nested Analysis in Comparative Research // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41. No. 11. P. 1492–1514.
- Rosenzweig M., Wolpin K.* Natural “Natural Experiments” in Economics // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No. 4. P. 827–834.
- Rubinstein A.* Dilemmas of an Economic Theorist // *Econometrica*. 2006. Vol. 74. No. 4. P. 865–883.
- Schrodt P.A.* Seven Deadly Sins of Contemporary Quantitative Political Analysis // *Journal of Peace Research*. 2014. Vol. 51. No. 2. Pp. 287–300.
- Sims C.A.* But Economics Is Not an Experimental Science // *Journal of Economic Perspectives*. 2010. Vol. 24. No. 2. P. 59–68.
- Stojmenovska D., Bohl T., Leopold T.* Does Diversity Pay? A Replication of Herring (2009) // *American Sociological Review*. 2017. Vol. 82. No. 4. P. 857–867.
- Strübing J.* Problem, Lösung oder Symptom? Zur Forderung nach Replizierbarkeit von Forschungsergebnissen // *Forschung und Lehre*. 2018. No. 2. P. 102–105.
- Thies C.* A Pragmatic Guide to Qualitative Historical Analysis in the Study of International Relations // *International Studies Perspectives*. 2002. Vol. 3. No. 4. P. 351–372.
- Uhlig H.* Economics and Reality // *Journal of Macroeconomics*. 2012. Vol. 34. No. 1. P. 29–41.

ОБ АВТОРАХ

РОСТИСЛАВ ИСААКОВИЧ КАПЕЛЮШНИКОВ

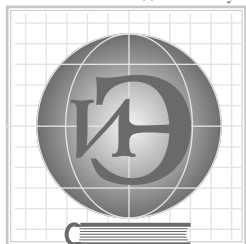
Член-корр. РАН, д. э. н., гл. н. с. Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е. М. Примакова РАН (Москва), замдиректора Центра трудовых исследований (ЦеТИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). Основные сферы исследовательских интересов: экономика труда, институциональная экономика, теория прав собственности, экономическая методология, история экономической мысли. Автор около 300 научных работ, из них 7 индивидуальных монографий.

**АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ
ЛИБМАН**

Д.э.н., PhD (Economics, University of Mannheim), профессор восточно-европейских исследований факультета общественных наук Мюнхенского университета. Основные сферы исследовательских интересов: российская региональная политика, роль исторических факторов в развитии современной экономики и политики, евразийская интеграция. Лауреат премий Кнута Виксея (Европейская ассоциация исследований общественного выбора), Гордона Таллока (Ассоциация исследований общественного выбора) и мемориальной премии им. проф. Б.Л. Овсиевича. Автор около 50 статей в международных рецензируемых журналах и около 90 статей в российских научных журналах, а также двенадцати монографий на английском, русском и китайском языках.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научные доклады

**Куда движется
современная экономическая наука?**

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*

Редактор – *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка – *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 21.05.2018 г.

Заказ № 22. Тираж 50 экз. Объем 1,8 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН